Нас шестнадцать

Мария Рэйвен

Мария Рэйвен

Нас шестнадцать (сборник)

«Accent Graphics communications»

2016

Рэйвен М.

Нас шестнадцать (сборник) / М. Рэйвен — «Accent Graphics communications», 2016

Вы когда-нибудь задумывались о смысле жизни? Есть ли Бог и в чем истина? Зачем существую я и что такое душа? И, если говорить о душе, то синонимы ли человеческая душа и человеческий дух? Вам знакомы эти вопросы?
А что, если нет никакого Я, и все, что вы видите вокруг – иллюзия. А вы просто никак не можете проснуться уже долгое долгое время.В этой книге, представляющей собой сборник рассказов, вы не найдете ответов. Напротив, у вас появятся новые вопросы. Они, в свою очередь, поведут вас туда, куда вы всегда боялись заглянуть. Но, поверьте, страх – это не только ваш враг, страх – огромная сила, которая может помочь вам перейти на следующий уровень.Главное, читайте внимательно, ведь внимание – это ключ. Причем, каждое из них.

© Рэйвен М., 2016
© Accent Graphics communications, 2016

Содержание

Благодарности 6
Ариум 7
Школа 14
Ворон 22
Аптека 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Мария Рэйвен
Нас шестнадцать

<е>Я посвящаю эту книгу человеческому духу.

Все имена, события и места в данной книге вымышленные. Автор приносит свои извинения за случайные совпадения.

Благодарности

Я хочу выразить благодарность всем своим близким, которые поддерживали меня во время написания этой книги. Мою подругу Инну за веру в мой талант, моего личного астролога из Киева Машу «Рыбку» Бузуеву за замечательные прогнозы, кафе “Флери” за бесплатный эспрессо и, конечно, мою семью, которой у меня нет.

Ариум

Петрос с детства увлекался историей. Ему нравилось посещать раскопки и археологические музеи, путешествуя по разным странам. Когда он проходил мимо величественных римских колонн или рассматривал термические бани, в душе было ощущение, что он попал в древние времена отважных героев и грозных богов из античных мифов. Когда его друг Михалис сказал, что в музее Ариума освободилось место ночного охранника, и предложил эту работу Петросу, тот согласился не раздумывая. Петрос уже два месяца сидел без работы, кризис и его не обошел стороной. Но это было не самое страшное в их семье. Два месяца назад матери поставили диагноз – рак груди. Необходимо было дорогостоящее лечение и сеансы химиотерапии, шанс спасти маму оставался. Петрос нервничал по поводу ночных смен, потому что боялся темноты и не смог побороть этот страх, даже когда вырос. Выходить на работу надо было на следующий день, вернее ночь. Утром Петрос съездил к директору музея, заполнил все необходимые бумаги, получил форму охранника, фонарик и резиновую дубинку: музей все-таки, пусть и под открытым небом, но вандалы везде найдутся. Мать собрала Петросу на работу термос с горячим кофе без сахара, как он любил, и завернула в два слоя фольги шефталью, добавив четвертинку лимона и лук, порезанный кольцами. Петрос был любимчиком у матери. Оно и понятно, в семье, где еще три дочери, мальчик всегда будет самым желанным ребенком. Она была против того, чтобы сын жил отдельно от родителей да еще согласился работать ночами, но отказать Петросу ни в чем не могла. Вечером, когда Петрос заглянул проведать родителей перед сменой, мать молча отдала ему пакет с едой и термосом. Петрос пришел возбужденный и радостно болтал про Михалиса и услугу, которую тот ему оказал, про Ариум и раскопки, что должны были возобновиться этой осенью, несмотря на урезанное финансирование музея. Мать слушала своего сына и улыбалась, но ее сердце было не на месте и немного покалывало. И то, что она посчитала беспокойством, впоследствии оказалось предчувствием. Люди на краю смерти более восприимчивы к таким вещам.

От родителей Петрос сразу поехал на работу. Дневной охранник уходил в десять вечера. Время еще было, но Петрос хотел расспросить его об особенностях работы. Ариум был виден издалека, возвышаясь своими колоннами над землей, морем и всем остальным. Двигаясь по шоссе на стареньком «фиате», Петрос в который раз восхитился величием древнего города, построенного римлянами на горе. Под Ариумом был геологический разлом. Когда он подъехал к парковке музея, уже совсем стемнело. На черном небе сияли россыпи звезд, а в траве стрекотали цикады. Внизу негромко шумело Средиземное море. Петрос глубоко вдохнул тягучий воздух летней кипрской ночи и, прихватив свой пакет из машины, направился к домику охранников. Он переоделся в униформу еще у родителей и теперь неторопливо шел, окидывая себя придирчивым взглядом: не помялась ли куртка, не испачкались ли брюки? Все было в полном порядке. Шлагбаум был опущен, только боковой проход остался открытым, через него Петрос прошел на территорию Ариума. Дневным охранником был приветливый парень Янис, примерного такого же возраста, что и Петрос. Янис уже знал, что Петрос будет новым ночным охранником. Поздоровавшись за руку, он тут же предложил Петросу кофе с лукумадес – сладкими кипрскими пончиками:

– Садись, Петрос, выпей со мной кофейку с пончиками.

– Спасибо, я не люблю сладкое, но от кофе не откажусь, – Петрос сел на стул рядом с ним.

Янис налил в кружку горячий кофе и протянул ее Петросу:

– Я так понимаю, что сахара тебе тоже не надо?

– Нет, не надо, спасибо, – Петрос улыбнулся, принимая у него из рук кружку с дымящимся напитком. В домике приятно запахло медом, которым Янис щедро полил свои лукумадес и принялся с наслаждением есть, запивая их кофе из большой кружки.

– Как ты можешь есть их холодными? – удивился Петрос.

– Ай, мне без разницы, хоть горячие, хоть холодные, лишь бы меда побольше, – засмеялся Янис.

Наконец Янис доел последний пончик, допил свой кофе и вытер руки салфеткой.

– Ну, буду я собираться домой, – сказал он, повернувшись к Петросу.

Петрос кивнул и тоже поставил кружку на стол.

– Да, конечно. Я вот хотел спросить кое о чем…

– Угу, давай, спрашивай, – Янис складывал свои вещи в рюкзак.

– Как тут вообще ночью, тихо?

Янис удивленно посмотрел на Петроса.

– Конечно, ты что, это же музей. Кому понадобится тут шастать по ночам? Да и взять на раскопках нечего, разве что колонны мраморные, но это вряд ли, они пару тонн весят каждая, – Янис весело хмыкнул и хлопнул Петроса по плечу.

– Не переживай, брат, все будет путем. Не заметишь, как ночь пройдет, если от скуки не помрешь, конечно. Ладно, я пошел, а это тебе, – Янис протянул Петросу ключи от ворот и домика охранников.

Он взял свой рюкзак, повесил его на плечо и подошел к двери:

– Пока!

– Пока, – Петрос пожал ему руку на прощанье, закрыл дверь и остался один. Через несколько минут он услышал шум мотора и звук отъезжающей машины Яниса. После этого стало совсем тихо, если не считать несмолкающих цикад в траве. Петрос решил заглушить запах меда в комнате и достал мамину шефталью. Он развернул фольгу, выжал на мясо лимон и посыпал колечками лука. Вилки не нашлось, так что пришлось есть руками, что ничуть не ухудшало его ужин, приготовленный матерью. Петрос налил себе еще кофе, уже из своего термоса, и, прихватив шефталью и кружку, вышел на улицу. Ночь была очень темной и теплой, воздух почти не двигался. Петрос не мог видеть моря оттуда, где он находился, но его негромкий рокот внизу успокаивал и даже убаюкивал. Спать было нельзя, и Петрос сделал пару больших глотков из кружки. Мясо уже остыло, но он съел все до последнего колечка лука. Мама Петроса всегда замечательно готовила, но сейчас она редко стояла у плиты. Уехав от родителей, Петрос скучал по родному дому и старался навещать маму с отцом каждое воскресенье.

Покончив с ужином, Петрос решил пройтись и осмотреть периметр музея. Он взял фонарик и стал подниматься к амфитеатру Ариума. Водя лучом фонарика по сторонам, он внимательно вглядывался в темноту. Через сорок минут он обошел весь Ариум и остановился у того места, где раньше был чей-то дом. Табличка гласила, что в нем жила семья из четырех человек: отец, мать и двое детей. У них были осел, кошка и домашняя птица. Но Петрос видел перед собой только яму и обвалившиеся камни. Землетрясение застигло обитателей дома врасплох, скорей всего ночью, когда все спали. Они погибли, не успев выбежать наружу. Хотя это не очень бы им помогло. Землетрясение, случившееся на Кипре в 365 году н. э. сровняло с землей не только величественный город Ариум, но и многие поселения вокруг него. Жуткие разрушения принесла на остров эта катастрофа. Историки отмечали, что землетрясение было поистине ужасным – в одиннадцать баллов. Не только одна семья, а тысячи людей погибли в ту страшную ночь. Петрос почувствовал, как кожа на руках покрывается мурашками, в ушах появился гул. Ему захотелось поскорее отойти от места, где раньше стоял дом, а теперь осталась лишь надпись на табличке. Петрос вздохнул и пошел обратно к домику охранников, думая о том, что сказал доктор Стелиос. Экспериментальный препарат, который принимал Петрос, участвуя в фармацевтической кампании, мог иметь побочные эффекты. Кроме сонливости и тошноты, которых у него не наблюдалось, препарат отключал у пациента гематоэнцефалический барьер. Но деньги по окончании эксперимента платили огромные. Их хватило бы и на сеансы химиотерапии для мамы, и на новый мотоцикл. Неожиданно он услышал тихий звук,

словно где-то засмеялся ребенок. Петрос резко обернулся и посветил туда фонарем, сердце бешено колотилось. Там никого не оказалось. Откуда взяться ребенку ночью на раскопках? Петросу это просто померещилось. Но он был готов поклясться, что слышал именно детский смех. Петрос пожал плечами и быстро зашагал прочь. Просто он немного нервничал в первую ночь, вот и чудилось всякое.

Вернувшись, Петрос выпил еще кофе и достал книжку, которую прихватил из дома. Ночь прошла спокойно, Петрос даже задремал, сидя за столом. Его разбудил звук подъезжающего автомобиля. На часах было десять утра. Смена Петроса закончилась, и он был этому рад. Сегодня было дежурство его друга Михалиса. Они были знакомы с детства и дружили семьями. Петрос даже встречался какое-то время с сестрой Михалиса, красавицей Андруллой, но все закончилось ничем, они расстались. Михалис немного расстраивался по этому поводу, так как хотел породниться с лучшим другом, но потом успокоился и забыл про это. По натуре он был жизнерадостным, энергичным парнем, всегда в хорошем настроении. Вот и сейчас Михалис шел пружинистой походкой к домику охранников, насвистывая какой-то веселый мотивчик. Петрос увидел его в окно и вышел встретить на улицу.

– С добрым утром, дружище! – закричал Михалис, подходя ближе.

– И тебе, дорогой.

Они по-братски обнялись.

– Ну, как тебе первая ночка? – спросил он Петроса.

– Отлично, никаких проблем.

– Спокойно прошла? Ничего не случилось?

Петрос молча покачал головой. Он решил не говорить другу про странный детский смех у разрушенной хижины. Петросу не хотелось, чтобы Михалис подумал, что он испугался и со страху выдумывал всякие глупости. Друзья поболтали еще несколько минут, и Петрос стал собираться домой. Его смена стояла через два дня. Он отдал Михалису ключи и пообещал заехать в гости на следующий день. Взяв свои вещи, Петрос сел в «фиат» и поехал домой спать. Охранники Ариума работали сутки через двое по двенадцать часов, такой режим Петроса вполне устраивал. Платили, правда, немного, но зато вовремя, а деньги ему были необходимы. Охранников было четверо: Михалис, Петрос, Янис и еще один парень, имя которого Петрос не мог вспомнить, он его еще ни разу не видел. Когда снова подошла смена Петроса, он заехал к родителям проведать маму и взять на ужин долмадес Анны, завернутые, как обычно, в два слоя фольги. Когда Петрос добрался до музея, Янис уже ждал его снаружи у домика охранников.

– Привет, хорошо, что ты не опоздал, у моей сестры сегодня день рождения, они там уже гуляют вовсю. Боюсь, как бы без меня все не выпили и не съели, – засмеялся он.

– Не волнуйся, не съедят, и тебе останется.

– Так я поехал? – Янис нетерпеливо протянул Петросу ключи.

– Конечно, поздравь от меня сестру, – улыбнулся Петрос.

Янис уехал на семейное торжество, а Петрос сел ужинать на улице. Он не очень любил долмадес, но обижать сестру не хотелось. Он ел и думал о предстоящих выходных, Михалис обещал познакомить его с одной девушкой по имени Константина. Она как-то видела Петроса, когда он еще встречался с Андруллой, и Петрос очень ей понравился, но Константина не осмелилась тогда уводить парня у другой. Теперь он был свободен, и их свиданию ничего не мешало. Вдруг Петрос увидел вдалеке какое-то свечение. Сначала он подумал, что кто-то включил фонарик и бродит среди раскопок, но свет не двигался, словно исходил из одного места. Петрос быстро вскочил со стула, недоеденные долмадес упали на землю. Схватив свой фонарь, он бросился наверх к источнику света. Поднявшись на холм, он увидел освещенный островок земли и маленькую пирамидку из камней в центре него. Откуда исходил свет, Петрос не мог определить. Откуда-то сбоку раздался тихий детский смех, Петрос направил туда

луч фонарика, за небольшим кустарником сидел мальчик лет семи и смотрел на него. Петрос подошел к нему и строго спросил:

– Эй, ты что тут делаешь? Где твои родители? Ты знаешь, что тут нельзя находиться?

Мальчик улыбнулся и встал в полный рост. На нем был странный наряд вроде балахона или платья.

– Я играю здесь, незнакомец, – он опять тихо засмеялся.

– Нашел время и место для игр. Мама твоя знает, где ты?

– Моя мать скоро придет, незнакомец, прости, что потревожил твой покой.

Мальчик выражался старым стилем на латыни. Петрос слышал такую речь в школе на уроках латинского языка. Их учитель был жуткой занудой и гонял их нещадно.

– А телефон ее у тебя есть? Давай позвоним, чтобы забрала тебя отсюда. Как тебя зовут? И не мог бы ты разговаривать нормально? Желательно на греческом языке.

Паренек улыбнулся и продолжил уже на греческом.

– Зачем тебе мое имя, незнакомец? И что такое телефон?

– Да, парень, это все весело, конечно, но ты немного заигрался, тут музей, а не детская площадка. Я охраняю этот музей, значит, я тут главный.

– Главный только великий Феб, а не ты, незнакомец, – мальчик снова рассмеялся.

Петрос начал терять терпение. Мальчонка был, похоже, малость не в себе, а то и вообще дурачок, но это не означало, что он мог разгуливать по Ариуму посреди ночи. Но пугать ребенка Петрос тоже не хотел.

– Так, ладно, подождем твою маму. Скажи мне, во что ты играешь? Что ты тут построил, башню?

Мальчик покачал головой.

– Крепость? – продолжил Петрос.

Тот опять покачал головой и улыбнулся.

– Разве ты не видишь, незнакомец, я построил могильный холм.

От этих слов Петросу стало не по себе, да и ребенок был очень странный. Может, из секты какой-нибудь? Вдруг он заметил молодую женщину, идущую по дорожке в сторону амфитеатра. Скорей всего, это была мать мальчика. Петрос бросился за ней.

– Эй, подождите! Тут нельзя находиться после закрытия музея. Девушка, как вы прошли на территорию Ариума? Это нарушение закона! Да подождите же вы! – Петрос пытался догнать непрошеную гостью. Спотыкаясь и чуть не выронив из рук фонарик, он добежал до амфитеатра. Девушки нигде не было. Петрос обошел амфитеатр со всех сторон, но так никого и не нашел. Озадаченный, он вернулся на то место, где обнаружил мальчика. Там тоже никого не было, не было и пирамидки из камней или могильного холма, как назвал его этот странный паренек. Петрос обошел весь музей, но ни девушки, ни ребенка так и не встретил. Возможно, они испугались и покинули территорию раскопок. Петрос вернулся в домик охранников, закрыл дверь изнутри и сел за стол. Он взял в руки термос, отвинтил крышку и стал наливать кофе в кружку, руки его дрожали. Петрос снова вспомнил этого ребенка и его каменное сооружение. Никто из знакомых детей Петроса не строил могильные холмы и не ходил в балахонах. Ему стало страшно.

– Тога, это называется тога, – Петрос вздрогнул от звука собственного голоса. В тогах ходили древние римляне, но зачем ее надел маленький ребенок, было совершенно непонятно. Да еще эта девушка, исчезнувшая неизвестно куда. Как в Лету канула, как сказали бы предки Петроса, древние греки. В реку, ведущую в царство мертвых. Ну и ночка, черт возьми. Петрос пожалел, что перестал носить свой крестик. Он давно снял его, считая религию просто традицией, и крестик валялся дома где-то в ящике стола. Петрос пообещал себе, что непременно найдет его дома утром после работы и наденет на шею. До самого рассвета он не сомкнул глаз и выпил весь термос с кофе. Когда Михалис приехал сменить его, то просто ахнул:

– Пресвятая Дева, что с тобой случилось, Петрос? Ты бледный как полотно! Будто увидел привидение. Ты себя в зеркале видел?

Петрос устало улыбнулся.

– Да ночь выдалась непростая. В музей проникли посторонние.

– Какие посторонние? Откуда? – Михалис не верил своим ушам. Петрос рассказал ему о том, что произошло ночью, друг слушал не перебивая.

– А ты уверен, что тебе это не приснилось? Уж больно все странно, – Михалис недоверчиво посмотрел на Петроса. – Я латынь совсем не помню, даже школьную программу, а тут ребенок. Откуда он ее знает?

– Я и говорю, может, они сектанты? – предположил Петрос.

– Да ну, брось, какие на Кипре сектанты, у нас их отродясь не было, – сказал Михалис.

– Не было, а теперь появились, – Петрос пытался найти разумное объяснение ночному происшествию.

Его друг покачал головой и зевнул.

– Не, ерунда это все. Давай ты сейчас поедешь домой и хорошенько выспишься, а потом, на свежую голову, еще раз все вспомнишь. Может, я окажусь прав, и тебе это все действительно приснилось. Ты же недавно начал работать, вот и уснул. Бывает, брат.

Петрос собирался ему возразить, но спорить сил уже не осталось. Хотелось одного – лечь спать. Голова раскалывалась. Поэтому он попрощался с Михалисом и поехал домой. Петрос проспал почти до ночи. Когда он проснулся, боль прошла и в голове прояснилось. Все произошедшее с ним в Ариуме казалось далеким сном. Он уже готов был поверить, что и в самом деле заснул на рабочем месте с непривычки. Он принял душ, перекусил, позвонил друзьям и напросился с ними в ночной клуб. Он редко ходил по клубам, но в этот раз очень хотелось развеяться и побыть среди людей в шумном месте. Придя домой после дискотеки в шесть утра, Петрос опять лег спать и проснулся за час до начала своей смены. Он быстро умылся, собрал на скорую руку поесть с собой на работу и выскочил из дома. Машина, как назло, не хотела заводиться. Петрос все-таки уговорил старую колымагу, и мотор заработал.

К Ариуму Петрос подъехал на десять минут позже положенного времени. Янис встретил его недружелюбным взглядом. Буркнув короткое «пока», он сел в свою машину и уехал. Петрос не стал сразу ужинать, а решил сперва проверить весь периметр музея. Поначалу все было тихо и спокойно. Никаких свечений и детей, говорящих на забытом наречии. Но уже на обратном пути Петрос заметил такой же тусклый свет, как и в первый раз, уже в другой стороне. Он пошел к тому месту, откуда исходил свет. Остановившись, он обнаружил, что стоит возле развалин того дома, где при землетрясении погибла вся семья вместе с домашними животными. Посветив фонарем вниз на обвалившиеся камни, он заметил среди них какой-то проем. Решив было уже спуститься в яму, Петрос вновь услышал детский смех, как и в первый раз, но теперь смеялось двое детей. Он обернулся и увидел того паренька в тоге, рядом с ним стояла девочка, примерно на год младше его. Оба ребенка смотрели на Петроса и держались за руки. Очевидно, они были брат и сестра. Вид у них был какой-то зловещий, и смех их очень не нравился Петросу, словно шелестела сухая трава или старая бумага. Молодой женщины рядом с ними не было.

– Где ваша мама? – спросил Петрос, подходя к детям. Он уже твердо склонялся к версии про семейку сектантов и решил выяснить, как они пробираются на территорию музея, а главное зачем.

– Наша мама дома, – ответил мальчик. Похоже, он был за старшего.

– Если хочешь, мы тебе покажем наш дом, это рядом – сказала девочка и улыбнулась. Улыбка вышла какая-то кривая и недобрая.

– Вообще-то, вашего дома тут быть не может и не должно, это Ариум, музей, понимаете?

– Конечно, – сказал паренек.

– Это Ариум, – повторила вслед за Петросом девочка.

Вот ведь маленькие идиоты, как с ними разговаривать.

– Хорошо, покажите мне ваш дом и позовите мать, – Петросу надоели их дурацкие шутки.

Брат с сестрой подошли к Петросу и взяли его за руку, каждый со своей стороны. Руки у детей были на ощупь как пергаментная бумага. Петрос хотел сначала высвободиться, но подумал, что это их спугнет, и он не увидит, где они прячутся. Дети подвели его к яме разрушенной хижины, мальчик показал свободной рукой вниз.

– Вон там наш дом.

– Вон там наш дом, – повторила за ним сестра.

Петрос наклонился ниже, но ничего не видел в тусклой полоске света среди камней, а достать фонарик он не мог, дети крепко держали его за руки. Петрос наклонился еще ниже и вдруг они резко выдернули свои руки и толкнули его вниз. Он упал и больно ударил коленку.

– Вы что, сдурели? – Он даже не ожидал таких действий от маленьких детей. – Быстро вытащите меня отсюда!

– Ты же хотел посмотреть наш дом и познакомиться с мамой, – сказал мальчик.

– С мамой, – прошептала сестра.

– Я сказал, вытащите меня немедленно, – Петрос попытался встать, но правая нога отозвалась дикой болью в колене, он громко вскрикнул. Неожиданно его левую ногу кто-то схватил рукой за лодыжку.

– Эй, что это еще за шутки? – закричал Петрос.

Но руку не убрали, а наоборот продолжали тянуть еще сильнее. Петрос наклонился, чтобы освободить ногу, но тут его схватили уже две руки и со всей силы дернули вниз. Петрос стал проваливаться в рыхлую землю. Он и не думал, что яма такая глубокая, а земля мягкая. Его крепко держали чьи-то руки, переместившись с лодыжек на талию. Он не видел их лиц, думая только об одном: чем он скоро будет дышать. Незнакомые руки утягивали его все ниже и ниже под землю. Петрос в ужасе цеплялся руками и ногтями за края ямы, камни и какие-то сучья, но силы противника превосходили его собственные. В рот попадали комья земли и мелкие камешки. Он отплевывался и пытался закричать, позвать на помощь. От этого становилось только хуже, земля набивалась в рот и мешала вздохнуть. Ему не хватало кислорода. Он уже не понимал, где находится, и едва видел, глаза слезились от грязи. Его рука нащупала какой-то предмет, он попытался ухватиться за него, но предмет сидел в земле неплотно, и в руке Петроса оказался маленький череп ребенка, уставившийся на него пустыми глазницами. Петрос с отвращением откинул его от своего лица. Он уловил какое-то движение у левой щеки и повернулся. Полуистлевшая голова женщины с гнилыми зубами и ошметками кожи на щеках приблизилась к его лицу и зашептала, источая изо рта мерзкую вонь.

– Не обижай моего мальчика.

Петрос в ужасе заколотил по ней руками и стал двигать всем телом, пытаясь высвободиться, но тот, кто держал его за талию, был сильнее и стал тянуть вниз еще быстрее. Голова женщины снова направилась в сторону Петроса и зашептала:

– Ты у нас главный, да? Говоришь, нам нельзя тут находиться? – она засмеялась противным шелестящим смехом. – Это наш дом. Наш Ариум. А вы лишь пыль над нами и под небом, где правит великий Феб.

После этого Петроса схватили еще крепче и дернули с такой силой, что ему показалось, что тело разорвалось пополам. Последнее, что он почувствовал, это склизкий отвратительный палец на своих губах и мерзкий шепот:

– Тсс. Добро пожаловать в мой дом, незнакомец.

А потом чернота поглотила его. Утром, когда труп Петроса нашли наверху возле ямы, полиция так и не смогла определить, почему его рот был забит землей, а ногти обломаны

и испачканы грязью. Никаких видимых повреждений на теле не обнаружили, следов борьбы тоже. Причину смерти определили как остановка сердца.

Школа

Мы приехали в деревню только к вечеру. Я так устала, что отказалась от ужина и пошла спать. Господин Костас, хозяин небольшой гостиницы и таверны уговорил меня взять с собой тарелку с сыром халуми и хлебом и пообещал приготовить фирменный омлет на завтрак. Окна в моей комнате выходили на горы. Хотя уже стемнело, я смогла разглядеть сосновый лес вокруг и узкую тропинку, ведущую от таверны к кустам дикой ежевики. Ночь была теплая, что для начала декабря редкость. Я бросила на пол сумку, съела кусок хлеба с сыром, потом разделась, легла в кровать и тут же уснула.

Утром меня разбудил стук в дверь, хозяин приглашал всех завтракать. Я просмотрела на часы, было десять утра, давно я так хорошо не высыпалась. Возможно, в кипрских деревнях какой-то особый воздух. Завтрак был похож на полноценный обед. Кроме омлета с ветчиной, помидорами и орегано, на столе стояли тарелки с солеными оливками, свежеиспеченным хлебом, порезанным на аппетитные ломти, копчеными сосисками луканика и, конечно же, халуми. Я решила не скромничать, тем более что от всей этой картины у меня громко заурчало в животе, поэтому положила себе большую порцию омлета, два куска горячего хлеба, щедро полила их оливковым маслом, добавила пару сосисок и принялась с наслаждением есть.

После завтрака я планировала погулять в лесу, полюбоваться красивыми горными видами. Мои друзья собирались навестить родных в деревне, так что мне предстояло гулять в одиночестве. Я поблагодарила Костаса и пошла на улицу, направляясь в сторону леса. Настроение у меня было превосходное, я даже стала напевать какую-то детскую веселую песенку. В лесу пахло опавшей сосновой хвоей и влажным мхом. Солнце пробивалось сквозь деревья, тут и там оставляя на земле маленькие островки яркого света. Я заметила почти заросшую тропинку и зашагала по ней, изредка останавливаясь нарвать цветов. Неожиданно передо мной возник огромный камень, я даже не заметила его издалека и чуть не налетела по глупости. Обойдя его с одной стороны, я чуть было не вскрикнула от изумления – прямо на земле, на сухих сосновых иголках сидел мальчик. Он прислонился спиной к камню, глаза закрыты. Одет он был в темно-синие брюки и белую рубашку с короткими рукавами, на ногах поношенные грязные ботинки на шнурках. Ни рюкзака, ни сумки рядом не было. Странно, в это время все подростки должны были быть в школе, прогуливает, похоже. Я подошла ближе и заговорила с ним:

– Привет.

Он открыл глаза и улыбнулся.

– Привет.

У мальчика было очень бледное лицо и большие темные круги под глазами. Голос был печальный и какой-то усталый. Я подумала, что ему нехорошо.

– С тобой все в порядке?

– Да. Спасибо.

– Тебе не холодно, ты давно тут сидишь?

– Нет. Я все время тут сижу.

– Что, каждый день? Зачем?

– Просто сижу и все.

– Как тебя зовут?

– Йоргос.

– А сколько тебе лет, Йоргос?

– Двенадцать скоро.

– Ты один все время сидишь, без друзей?

– Мои друзья все в школе.

– А ты, значит, не в школе.

– Нет, я здесь сижу.

– Ну, хорошо, может, тебе лучше надеть свитер или куртку?

Я вдруг почувствовала, что жутко замерзла, и решила надеть кофту, которую захватила с собой. Странно, еще пять минут назад мне было вполне комфортно в одной рубашке.

– Мне и так не холодно.

– А где твои родители, они не будут тебя ругать, что ты занятия прогуливать?

– Нет, не будут.

Он тяжело вздохнул и отвернулся. Мне стало так жаль его без всякой причины, не может одиннадцатилетний мальчишка так вздыхать, если только у него не случилось что-нибудь очень печальное. Я протянула руку, чтобы положить ему на плечо, но меня отвлек какой-то шорох. Я повернулась на звук и увидела, как к валуну приближались Андреас и Элени, мои друзья. Наверное, они уже сходили в деревню, а кириос Костас сказал, где меня искать. Я окликнула их, они подошли к камню.

– С кем ты только что разговаривала? – спросила Элени.

– Вот, знакомьтесь, это Йоргос, – я повернулась к пареньку, но на земле было пусто.

– Какой Йоргос?

– Тут сидел мальчик минуту назад, сказал, что его зовут Йоргос и он все время сидит у этого камня.

– И где же он?

– Я не знаю, я даже не заметила, как он ушел.

– Понятно. Ладно, мы хотели сходить к ручью, а потом выпить кофе в маленьком кафе, которое принадлежит дяде Элени. Ты с нами?

– Да, идемте.

Я еще раз посмотрела по сторонам в надежде увидеть мальчика, может, он прятался за деревьями. Но никого не было, я оттряхнула одежду и пошла за своими друзьями к ручью.

Дядя Элени был высоким громогласным киприотом, который все время улыбался во весь рот и рассказывал разные смешные истории. Он уговаривал нас съесть еще кусочек пахлавы, которую пекла его старшая дочь Деспина, сестра Элени. Мы просидели у него два часа, пока, наконец, не распрощались и пошли обратно в гостиницу. Остаток дня мы провели каждый в своей комнате, отдыхая, и встретились только за ужином. Костас достал из своего погреба к ужину две бутылки вина, которое делал его брат. Время пролетело незаметно в легкой беседе за бокалом красного вина со сказочно-вкусной бараниной. Я так наелась и устала за весь день, что ушла спать первая. Надвигалась гроза. Я выключила свет и легла спать, укутавшись в одеяло. Меня разбудил жуткий грохот, было три часа ночи. Гроза бушевала не на шутку, ливень бил в окна, ветки деревьев хлестали по стеклу. Я набросила на плечи кофту, подошла к окну и села в кресло, включать ночник я не стала. Ночь была очень темная, гроза только добавляла мрака и холода. Через какое-то время глаза привыкли к темноте и стали различать очертания деревьев и кустов за окном, соседние домики и даже какие-то огоньки вдали. Очертания какого-то дома или здания, стоящего за лесом на окраине деревни показались мне незнакомым. Я думала, что знаю все строения в деревне, оказалось, что это не так. Тусклые огни наверняка были окнами, в которых горел свет, но почему там не спали так поздно? Не увидев больше ничего интересного, я решила вернуться в постель, а утром расспросить хозяина о неизвестном доме за лесом, после чего легла и проспала до самого утра.

Утром, спустившись к завтраку, я встретила Марию, жену Костаса. Она накрывала на стол, расставляя всевозможные мисочки и тарелки со снедью. Андреас и Элени еще не подошли. Я поздоровалась и села за стол. Я решила спросить ее о доме, который видела ночью из окна.

– Скажите, Мария, а что это за здание за лесом, я вчера видела из окна, что там горел свет в окнах.

– Какое здание, девочка? За лесом старое кладбище, никаких домов там нет.

– Но я точно видела вдалеке какое-то строение.

– Не знаю, о чем ты, милая, возле кладбища не никаких домов, а ночью гроза была, тебе померещилось.

– А там всегда было кладбище, может, до этого стоял какой-нибудь большой дом, а теперь он заброшен, и подростки по ночам устраивают там вечеринки?

– В такую-то погоду, не думаю, к тому же кладбище там вот уже тридцать с лишним лет.

– Да? Понятно.

Я задумчиво жевала кусок хлеба с маслом.

– Ну, я тогда схожу туда сегодня, прогуляюсь после завтрака.

– Нет!

Мария закричала так неожиданно, что я расплескала свой кофе, который собиралась налить в чашку из кофейника. На скатерти расползлось коричневое пятно. Мария схватила полотенце и начала быстро вытирать им стол, пока жидкость окончательно не впиталась, испортив ткань, при этом руки ее заметно дрожали.

– Зачем тебе туда ходить, деточка, утром выпал снег, там может быть очень скользко.

– Ничего, я осторожно и оденусь потеплее.

Спустились Элени с Андреасом, они сели за стол и жадно набросились на еду, умудряясь при этом смеяться и разговаривать. Андреас попросил меня передать ему кофейник.

– Ну, какие планы на сегодня?

Я посмотрела на Марию, она молча взяла полотенце и ушла на кухню.

– Я хочу сходить на старое кладбище.

Элени перестала жевать и подняла на меня изумленные глаза, Андреас застыл с кофейником в руке.

– Зачем тебе туда понадобилось? Там нет ничего интересного.

– Да, – вставила Элени, – и дорога вся разбита, можно упасть и что-нибудь сломать. Лучше пойдемте в гости к моей сестре, она…

– Вы можете идти в гости к кому захотите, я иду на кладбище, ясно?

Возможно, это прозвучало грубо, но меня начинало раздражать, что все отговаривают меня от этой прогулки. Андреас вздохнул и налил себе и Элени кофе.

– Хорошо, иди на здоровье, но что за внезапный интерес к умершим?

– Вовсе не к умершим. Ночью я видела какой-то дом в той стороне, в нем горел свет в окнах в два часа ночи, но Мария сказала, что никаких домов у кладбища нет.

– Мария права, там действительно нет никаких домов.

– Ну, в таком случае я просто прогуляюсь в лесу, увидимся за обедом.

Я встала и пошла в свою комнату одеваться для прогулки. Мои друзья остались за столом, я слышала, как они принялись о чем-то шептаться, но слов было не разобрать. Мне было все равно. Я надела джинсы и теплый свитер с высоким воротником, сверху куртку, а перчатки и шарф положила на всякий случай в сумку. Спустившись вниз, я никого не обнаружила. Мария уже убрала со стола, ее самой нигде не было видно, как и моих друзей. Что ж, спасибо за заботу, но если я что-то решила, я привыкла это делать. С этой мыслью я вышла из гостиницы и зашагала в сторону старого кладбища.

Сказать по правде, до сегодняшнего утра я даже не знала, что в деревне есть старое кладбище. Утро было по-зимнему холодное, северный ветер неприятно дул в спину. Мои руки быстро окоченели, я достала перчатки и замотала шею шарфом. Я шла уже минут пятнадцать, но ни надгробий, ни могил – ничего, похожего на кладбище не замечала. Неожиданно моя нога споткнулась обо что-то твердое, и я чуть не упала. Под снегом было непонятно что это, я при-

села на корточки и принялась очищать руками землю. Это оказался выступ гранитной плиты, я стала откапывать находку дальше. Через несколько минут передо мной лежала старая могильная плита из серого камня. Я нашла старое кладбище. Приглядевшись, я прочитала полустертую надпись: Константинос Феофану 1964–1978. Бедный паренек прожил всего четырнадцать лет, жаль его и его родителей.

Я встала и огляделась, снег успел засыпать землю плотным слоем, но раз есть одна могила, вероятно, существуют и другие. Через полчаса вся мокрая от работы, я очистила еще четырнадцать плит. Тут были похоронены только дети от шести до пятнадцати лет. Что же это за кладбище такое? У меня встал комок в горле. Господи, сколько невинных детей в одном месте, сколько несчастных семей! Но вокруг ни крестов, ни оград, ни одного сухого цветка, оставленного скорбящей матерью. Словно кто-то хотел забыть об этом месте. Невозможно представить, что все могилы просто бросили. С другой стороны, самому младшему сейчас было бы тридцать семь лет, может быть, многие родители уже умерли или куда-нибудь переехали. И все-таки должен же был хоть кто-нибудь остаться из родственников, чтобы навещать могилы. Картина кладбища уверяла меня в обратном, оно было давно заброшенное и никому не нужное. Я вспомнила Йоргоса, знакомого паренька, ему одиннадцать лет, как это ужасно потерять ребенка. Я присела на край гранитной плиты, слезы потекли из глаз, обжигая на холоде щеки. Никогда не думала, что смогу сидеть на кладбище и лить слезы по незнакомым детям. Своих умерших родственников я навещала раз в пять лет, а то и реже. Мария, жена хозяина таверны, оказалась права, никакого дома на этом кладбище не было. Мне в самом деле померещились эти огни ночью. Я замерзла, сидя на холодной плите, пора было возвращаться назад. По пути в гостиницу я решила сделать крюк и сходить к валуну. На это раз я заметила камень издалека.

– Привет.

Я вздрогнула и обернулась, у дерева стоял Йоргос.

– Привет, ты меня напугал.

– Извините.

– Ничего страшного. Ты опять не в школе?

– Нет.

Он печально улыбнулся и опустил глаза. На нем были те же синие брюки и грязная белая рубашка с короткими рукавами. Похоже, его семья очень бедная, если ребенок ходит без куртки в такую погоду. Похолодало еще сильнее.

– Как у тебя дела?

– Хорошо.

– А хочешь, я подарю тебе теплую куртку?

Мне было неудобно предлагать мальчику деньги и потом неизвестно, на что их могут потратить в его семье.

– Не надо, мне не холодно.

– Как не холодно, у тебя губы вон синие, бледный весь. Возьми хотя бы мой шарф.

– Спасибо, но мне правда не холодно, не волнуйтесь.

Я подумала, что парнишка может что-то знать о старом кладбище, и спросила:

– Йоргос, а ты давно живешь в деревне?

– Всю жизнь.

– Ты знаешь заброшенное кладбище на окраине деревни?

– Знаю, мои друзья там играют.

– Играют на кладбище? Им что играть больше негде?

– Нет.

– А ты что же с ними не играешь?

– Нет, они на меня злятся.

– За что?

– Я их очень подвел.

– Как подвел?

Йоргос молчал, опустив голову.

– Не хочешь об этом говорить?

Он медленно помотал головой из стороны в сторону.

– Хорошо. Скажи, а там был раньше какой-нибудь дом?

Он поднял на меня свои грустные глаза с темными кругами и тихо произнес:

– Там была школа.

– Вот как? Интересно, и где она сейчас? Снесли и устроили там кладбище?

– Ее не сносили.

– Тогда что там случилось?

– Пожар.

Он опять опустил голову и замолчал, сжав губы, лицо его побледнело еще больше. Я решила больше не мучить мальчика и ни о чем не спрашивать.

– Йоргос, мне пора идти, надеюсь, мы еще с тобой увидимся.

Он кивнул. Я повернулась и пошла в гостиницу. Какой жуткий холод сегодня, а бедный ребенок раздетый, надо, наконец, сходить к его родителям. Обернувшись, я крикнула:

– Йоргос, а как твоя фамилия?

Но его уже не было. Хотелось верить, он пошел домой. В таверне я встретила внизу Костаса, он сидел за столом и точил кухонные ножи.

– Здравствуйте, Костас, как ваши дела?

– Здравствуй, Анна, слава Богу, все хорошо. Ты ходила на прогулку?

– Да, прогулялась до старого кладбища.

Он отложил в сторону нож и точило и пристально посмотрел на меня.

– И что там интересного на кладбище?

– Ничего, только тринадцать могил подростков, старшему пятнадцать, младшему шесть, так, ерунда.

– Так, присядь-ка, дочка, и давай по порядку. Зачем ты туда ходила?

– Вчера ночью, когда была гроза, я проснулась и увидела в окне какой-то дом, в нем горел свет в окнах в два часа ночи. Сегодня утром я спросила Марию, что это за дом, она сказала, что там только старое кладбище и домов никаких нет. Вот я и пошла посмотреть, хоть меня все отговаривали.

– Понятно, ну раз ты там уже была, то сама знаешь, что там в самом деле никаких домов нет. Только заброшенное кладбище и все.

– Да, и также сама знаю, что раньше там была школа, которая сгорела. Школу, возможно, потом снесли, а на ее месте сделали кладбище, но хоронили почему-то только детей.

Костас достал сигарету из пачки на столе и зажигалку, затянувшись, он спросил:

– А кто тебе рассказал про пожар?

– Один мальчик, Йоргос, мы встретились недавно в лесу. Он сказал, его друзья играют на том кладбище. Странно, да?

Костас внимательно слушал меня, не перебивая, изредка выпуская клубы сигаретного дыма.

– Этот Йоргос, я думаю, из очень бедной семьи. Представляете, на нем кроме брюк и рубашки с короткими рукавами ничего нет. Ботинки ужасно старые и стоптанные. Правда, он вечно твердит, что ему не холодно, я думаю, просто гордый, не хочет ничего просить. Он сидит в лесу каждый день у огромного валуна безо всякой причины, прогуливая занятия.

– Анна, скажи мне, в этом мальчике нет ничего необычного, кроме старой одежды?

Я задумалась. Что в нем странного, мальчик как мальчик, ну…

– Разве что он очень бледный и круги под глазами темные, губы синие. Просто он замерзший.

– Может, он не замерзший, дочка, может, он просто… мертвый?

Костас произнес это слово еле слышно, но для меня оно прозвучало как выстрел. Я непонимающе уставилась на Костаса.

– Что вы такое говорите? Как этот мальчик может быть мертвым, если я с ним разговаривала?

Костас потушил сигарету и крикнул жене:

– Мария, принеси мне бутылку зивании из погреба и две рюмки, оливки с хлебом захвати.

Я молчала и ждала объяснений. Мария принесла, что он попросил, молча поставила поднос на стол и удалилась. Костас налил в рюмки водку, пододвинул мне одну и сказал:

– Давай выпьем, Анна, за упокой душ невинных. А потом я расскажу тебе одну историю.

Я залпом опрокинула в себя противную обжигающую жидкость и заела оливкой. Костас выпил не торопясь свою рюмку и, вытерев рот рукой, стал рассказывать.

– Это случилось в семьдесят восьмом. Мы с Марией тогда только поженились, не было у нас ни таверны, ни гостиницы, ни денег. Но жили мы дружно и счастливо. Жителей в деревне тогда было не очень много, их и сейчас не много, но зато тогда было много ребятишек. Рожали по четверо, пятеро детей, редко встретишь семью с двумя детьми, тем более с одним. Родители в основном фермерством занимались, а дети помогали, кто в поле, а кто дома по хозяйству. Но в тоже время все дети ходили в школу. В начале семидесятых построили в нашей деревне школу, хорошую, двухэтажную. Учителя приехали из города обучать, значит, детвору нашу, муниципалитет им зарплату платил неплохую. Где стояла школа, ты уже знаешь. Зима в тот год выдалась теплая, сухая. Перед Рождеством учителя праздник решили устроить для детишек и их родителей, с елкой, спектаклем, угощением, подарками, все как полагается. Ученики игрушки на елку и украшения сами мастерили из бумаги цветной, фольги и клея, не было денег особо на елочные игрушки. Как-то днем, после уроков уже, случилось на втором этаже замыкание, загорелась проводка. А там как раз младшие классы учились. Ну, перепугались все, паника, переполох. С первого этажа ребята постарше прибежали, помогать младших выводить. В школе тогда только один учитель оставался дежурить. За несколько минут вспыхнула вся школа, как коробок спичек, везде ведь бумага была, из которой дети мастерили снежинки всякие. Да еще дым везде. Дети двери дергают, они не открываются. Потом выяснилось, они со страху не в ту сторону дергали. Один мальчонка, правда, через окно выбрался, побежал за помощью через лес напрямик, в деревню. Но привести никого так и не смог.

Костас перевел дыхание, налил себе еще водки и выпил, не поморщившись. Я сидела, не шелохнувшись, затаив дыхание. Он вздохнул и продолжил.

– Не добежал тот парень до деревни, споткнулся в лесу, налетел на камень, ударился виском и сразу насмерть, это уже потом выяснилось. Все, кто в школе остались, так и сгорели заживо, один учитель и шестнадцать учеников. И один, что в лесу погиб. Итого восемнадцать человек. Что в тот день в деревне творилось, никакими словами не описать. В каждую семью почти пришла смерть. Почти все по ребенку потеряли, а кто и по двое. А тот паренек, что в лесу погиб, один был у родителей. Мать его через неделю умерла от горя, а отец всего на месяц ее пережил. Их на деревенском кладбище похоронили. А школу, что от нее осталось, разобрали и на этом месте сделали детское кладбище. Ходили туда всей деревней каждый год перед Рождеством поминать загубленных детей своих.

– Но почему тогда это кладбище сейчас брошенное, ни венков, ни цветов?

Костас помолчал, закурил очередную сигарету и продолжил:

– Нехорошим оказалось это место. Проклятым. Люди стали по ночам видеть эту школу как до пожара еще: окна светятся, смех детский доносится. Не успокоились детские души, не попали на небеса. Бояться люди стали, мол, духи там всякие, привидения, на кладбище

ходить перестали. Потом многие родные умерли, другие переехали, стало кладбище совсем заброшенное. Но вот что страшно, все, кто видел эту школу в лесу или детей, погибали потом в аварии или от какого несчастного случая, не своей смертью. Видать, забирали дети души несчастных за то, что не спасли мы их тогда. Вот такая история, дочка.

Костас закончил свой рассказ. Я сидела в каком-то странном оцепенении. Хотелось плакать, но слез не было.

– Вы хотите сказать, что этот Йоргос на самом деле призрак мертвого мальчика?

– Да, Анна, именно это я и хочу сказать.

– Но я не верю в привидения!

– Важно не это, важно то, что ты их видишь, и они могут принести тебе зло. Не ходи больше на кладбище, пока не случилось с тобой худого. Мой тебе совет.

– Спасибо за совет, Костас, но это же просто бред! Да, вся история ужасно печальная, но то, что я разговаривала в лесу несколько раз с мертвым ребенком, ни в какие рамки не укладывается. У вас тут у всех просто богатое воображение. Такое невозможно!

– В старых деревнях все возможно, люди порой сами не хотят признавать то, во что готовы поверить.

– В таком случае я сейчас пойду в лес, найду мальчишку и сама спрошу у него, мертвый он или нет. Господи, что я несу!

– Дело твое, Анна. Пеняй потом на себя.

Костас собрал со стола посуду, ножи и ушел на кухню. Я слышала, как он о чем-то негромко разговаривал с Марией, та настойчиво просила его о чем-то, но он лишь повторял ей, что это судьба. Я надела куртку, шарф и вышла из гостиницы на улицу.

Дойдя до валуна и не обнаружив там Йоргоса, я стала звать его, в надежде, что он гуляет неподалеку. Услышав шорох за спиной, я повернулась и увидела мальчика на своем привычном месте у камня.

– Йоргос, почему ты вечно подкрадываешься со спины?

– Извините.

– Неважно, скажи мне одну вещь, твои родители на самом деле давно умерли?

Он вздрогнул, его глаза расширились.

– Что ты молчишь, отвечай сейчас же!

Я не заметила, что стала кричать на бедного парня.

– Да. Их давно уже нет.

– Твои друзья, что играют на кладбище – это погибшие дети, что сгорели во время пожара в школе?

Он сжался и закрыл лицо руками. Я не отступала.

– Говори же! Почему ты так одет? Почему ты тут сидишь каждый день?

Мой голос срывался, меня начинала бить дрожь, Йоргос молчал. Я протянула руку, чтобы схватить его за плечо и хорошенько встряхнуть, но пальцы прошли сквозь ребенка, схватив пустоту. От изумления я медленно опустилась на землю, мне даже не было страшно. Мальчик продолжал молча стоять, закрывая лицо руками. Я хотела закричать, но подумала, что тогда он сам испугается и исчезнет. Глупо, как можно напугать того, кто уже умер?

– Йоргос, пожалуйста, ответь мне, я должна знать: ты умер?

Он медленно убрал руки от лица и произнес одними губами.

– Да.

– Йоргос, это ты тот мальчик, что погиб в лесу, ударившись об камень?

– Да.

– Почему ты мне сразу не сказал? Как вышло, что я тебя вижу?

– Нам просто очень одиноко, к нам никто не приходит. А ты добрая, ты со мной разговаривала, ты не боялась.

– Но я ведь понятия не имела, что ты… ты…

– Призрак?

– Да. Почему я тебя вижу?

– Я не знаю. Наверное, это твоя судьба.

– Моя судьба в том, чтобы общаться с призраками?

– Я не знаю. Теперь мне пора. Тебе пора уезжать из деревни и возвращаться домой. Прощай.

– Погоди, я еще хотела тебя спросить…

Я вдруг осознала, что передо мной уже никого нет, мальчик исчез за мгновение, словно его и не было. Может, я схожу с ума, и никакого мальчика действительно не было. Вдруг у меня галлюцинации? Но в глубине души я знала, что вся история, рассказанная Костасом, – правда. Что Йоргос был, и я несколько раз общалась с мертвым ребенком по какой-то непонятной пока причине. И что бедные дети хотели, чтобы их навещали, как прежде, живые, и помнили об их трагедии живущие в деревне.

Я не помню, как дошла до таверны, мне что-то говорили, о чем-то спрашивали, но я только кивала головой, отказываясь разговаривать. Дойдя до комнаты, я повалилась на кровать и уснула мертвым сном. Мне ничего не снилось. Утром я собрала вещи, попрощалась с Марией и Костасом, попросила передать привет Элени и Андреасу и уехала в аэропорт. Мне хотелось поскорее улететь домой.

* * *

Вечером в новостях сообщили, что самолет Анны разбился, подлетая к Афинам. Никто из пассажиров и членов экипажа не выжил. Костас с Марией смотрели тот выпуск. После окончания новостей хозяин таверны принес из кухни початую бутылку водки и две рюмки, налив себе и жене до краев, он выпил, не чокаясь и не закусывая.

– Прими, Господи, душу рабы Твоей Анны.

Ворон

Как-то осенью холодной, взяв напиток благородный,
Засиделась я со свечкой на крыльце совсем одна.
Ночь в права почти вступила, в ней живет иная сила,
И торопится на небо бледно-желтая луна.
И летит прекрасный ворон с опереньем гладким, черным
На закат в кровавой дымке мимо дома моего.
Он летит и твердо знает, что пера не потеряет,
Своего не потеряет никогда ни одного.
Мне ж судьба моя по свету раскидала без ответа
Письма, брошенные где-то, не приносит почтальон.
Ворон вдруг решил спуститься, он на дуб сухой садится,
Смотрит, будто все секреты эти знает только он.
Я сказала: «Слушай, птица, а возможно, так случится,
Что былое возвратится и начнется все опять?
Он ко мне вернется снова, скинув тесные оковы
Тлена. Разве слишком много я посмела пожелать?
Смерть протягивает руку, счастье в вечную разлуку
Превращает за мгновенье под напором черных волн.
Где любовь в сердцах царила, там теперь его могила,
Утопая в розах белых, крест венчает мрачный холм.
Все закончилось однажды, и река не пустит дважды,
И того, что не узнала, мне увидеть не дано.
Мне тоска съедает душу, нечто просится наружу,
И так часто в час полночный не дает покой оно.
Но причины непонятны и сомненья необъятны,
И доверить слезы стоит только разве что луне».
И сидит прекрасный ворон с опереньем гладким, черным
На суку и, соглашаясь, клювом в такт кивает мне.
Ночь подлила черной краски, верю, Ад совсем не сказки,
И загадывать на счастье я, признаться, не берусь.
Может, надо больше света, ведь в свечах нехватки нету,
Если к новому рассвету не умру, так хоть напьюсь.
Он, как будто, улыбался, каркнул, словно, рассмеялся,
Вот ведь чертово созданье за грехи послали мне.
Юность канула навеки, точит червь родные веки,
И доверить слезы стоит только разве что луне…
С той поры часов немало истекло, и свеч не стало
Ни одной, с исчадьем черным подружились мы давно.
И как только ночь коснется дуба, шелест раздается
Крыльев, мне уже знакомых, выхожу встречать его.
Эту дьявольскую птицу, что на мертвый сук садится,
Я люблю, как не любила никогда и никого.

Аптека

Температура продолжала повышаться. Лиза вылезла из постели и поплелась на кухню сделать горячего молока с медом. Средство не самое верное от гриппа, но от боли в горле поможет. Ливень за окном напомнил, что прогулка в аптеку выйдет не из приятных. Обычное питерское лето. Лиза сполоснула чашку, надела старые кеды и вышла из дома. Зонтик упрямо не желал открываться, холодный ветер с Невы заставил девушку поплотнее запахнуть тонкий плащ. Капли воды смывали липкие разводы от липовых почек с асфальта и припаркованных машин. Лиза добежала до аптеки за несколько минут. Старое здание на 7 линии Васильевского острова принадлежало когда-то загадочному немецкому алхимику Вильгельму Пелю. Аптека занимала первый этаж дома шестнадцать и давно уже не имела к немцу и его сыновьям никакого отношения. Лиза отряхнула зонт и зашла внутрь. В нос ударил запах нашатырного спирта. Женщина в белом халате раскладывала по ящичкам коробки с лекарствами.

– Здравствуйте, можно мне от гриппа что-нибудь? И еще чтобы температуру сбить.

Женщина задвинула назад ящик и посмотрела на Лизу.

– Какая температура?

– Тридцать восемь и два, и еще горло очень болит. Думаю, у меня грипп. – Лиза громко чихнула и достала пачку с бумажными носовыми платками.

– Вы что, врач? – Женщина презрительно поджала губы и отвернулась к стеллажам с лекарствами. Она открыла ящик и стала перебирать содержимое.

– Нет, я юрист. Ну почти, учусь еще, – сухой кашель прервал девушку на полуслове.

– Вам бы дома сидеть, а не гулять в такую погоду по городу. Вот, возьмите, это от сухого кашля, а это чтобы сбить температуру. Сироп принимать по чайной ложке три раза в день после еды, а жаропонижающее выпить сейчас сразу две таблетки. Пить побольше жидкости, горячий чай, молоко и лежать.

Лиза взяла лекарства и протянула деньги. Запах нашатырного спирта щекотал нос.

– А почему у вас запах такой сильный?

– А, это новый работник бутылку нашатыря разбил. Теперь неделю будет вонять. Аммиак все-таки.

– Ну да, – согласилась Лиза и открыла пачку таблеток. – Можно мне воды таблетки запить?

Женщина махнула рукой в сторону.

– Вон там у окна на столе чайник с кипяченой водой. Рядом стаканчики одноразовые. Возьмите сами.

Девушка подошла к окну, налила воды и жадно выпила полный стакан.

– Спасибо, – обернулась Лиза, но женщины в белом халате уже не было. Лиза выпила еще один стакан, взяла зонт и вышла из аптеки.

Жар немного спал и в голове прояснилось. Девушка зашла в пекарню Буше на Среднем проспекте и купила свои любимые эклеры с черной смородиной. Горячий чай составил им дома прекрасную компанию. После сладкого ужина Лиза выпила сироп от кашля и уснула.

Утро началось с воя автомобильной сигнализации. Хозяин машины не торопился реагировать на эту какофонию. Девушка открыла глаза, села на кровати и застонала. Комната завертелась, к горлу подступила тошнота. Лиза легла и протянула руку за старым градусником. Ртутный столбик остановился на тридцать восемь и пять.

– Блин, вот ведь зараза.

Жар усилился, таблетки не помогли. Хотя горло больше не болело. Лиза проковыляла на кухню включить чайник. Солнце обещало прекрасный день всем, кроме нее. Даже отсутствие облаков не радовало. Какой смысл радоваться лету, когда тебе даже чашку с чаем не поднять

от головокружения и тошноты. Бесполезно звонить подругам, все уехали загород наслаждаться солнцем на природе. Лиза выпила еще две таблетки от температуры, оделась и пошла в аптеку. По дороге она вспомнила, что не умылась и не почистила зубы, ну и ладно. Внутри никого не было, конечно, никто ведь не болеет летом. Это ей так везет. Девушка опустилась на стул у окна и закрыла глаза. Странно, нашатырным спиртом больше не пахло, хотя женщина-фармацевт сказала, что вонять будет неделю.

– Вам нехорошо, милая барышня? – Приятный мужской голос вывел Лизу из полудремы. Пожилой мужчина в белом халате с аккуратной бородкой и в очках на цепочке стоял за стойкой аптеки, улыбаясь отеческой улыбкой.

– Голова кружится, – девушка прислонилась спиной к стенке, чтобы не упасть со стула. Мужчина подошел к ней и положил холодную ладонь на лоб.

– О, деточка, да у вас жар! Посидите тут. – Он скрылся в помещении для персонала. Лиза улыбнулась, как будто она могла куда-то убежать. Через несколько минут мужчина вернулся с железным подносом в руках. Он поставил его на стол возле Лизы и надел очки.

– Так, горло болит, полагаю. Нос заложен, насколько я слышу, при этом головокружение и сильный жар. Спите много?

– Ну, так, нормально, хотя спать хочется все время. – Лиза пододвинула к себе дымящуюся кружку. – Это что?

– Это шалфей. Я вам приготовил отвар из сушеного шалфея. Обычно его курят, но у вас больное горло. Он обладает многочисленными противовоспалительными свойствами. В древности его считали панацеей. Знаете, есть даже такая древняя арабская пословица: зачем умирать, если в саду растет шалфей? – Мужчина тихо рассмеялся. Лиза сделала глоток, отвар был горьковатым на вкус.

– А почему у вас не пахнет нашатырем? Вчера ведь разбили бутылку. Уже выветрился? – Девушка выпила полкружки, приятное тепло разлилось по телу, голова перестала кружится и тошнота прошла. Мужчина улыбнулся и огляделся по сторонам.

– Знаете, порой случаются удивительные вещи. Как вам мой Salvia divinorum?

– Сальвия что? – не поняла Лиза.

– Сальвия дивинорум. Шалфей предсказателей. Лечебный настой в кружке. Замечательное средство.

– Помогает. Такое впечатление, что я стала как-то отчетливее все понимать и чувствовать. И голова больше не кружится. Спасибо вам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.